



Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности

Оглезнев В. В.^{1,2,*}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

² Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Российская Федерация)

* E-mail: ogleznev82@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу нормативности языка права сквозь призму теории речевых актов, с акцентом на его перформативный характер. Автор исходит из предпосылки, что язык права нельзя свести исключительно к выполнению дескриптивной функции: он не только описывает нормы, но и при его помощи осуществляются юридически значимые действия.

Методология и материалы. Работа основана на аналитическом методе и теоретической реконструкции философских подходов, в первую очередь теории перформативов Дж. Л. Остина, Г. Л. А. Харта и Дж. Сёрла. Используется также материал позитивного права для демонстрации прагматического функционирования языка права.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор аргументирует, что нормативность языка права проявляется прежде всего в его способности порождать юридические следствия через речевые акты. Обсуждается различие между нормативными и дескриптивными высказываниями в праве, анализируется специфика юридических перформативов, таких как приказы, запреты и разрешения. Показано, что юридическая коммуникация характеризуется институциональной валидностью и контекстуальной зависимостью.

Выводы. Язык права обладает особым типом нормативности, реализуемой через перформативные речевые акты. Эта нормативность не сводится к логической импликации или моральной обязанности, а опирается на институциональные правила, определяющие юридическую силу высказываний. Таким образом, язык права — это не просто средство выражения норм, но и механизм их институционального утверждения.

Ключевые слова: язык права, перформативность, правовые высказывания, институциональные факты, правовая реальность.

Для цитирования: Оглезнев В. В. Перформативный характер языка права и конструирование правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 87–98. EDN: HWETUZ

The article was submitted: 08.05.2025

The article approved after reviewing: 07.06.2025

The article accepted for publication: 16.06.2025

The Performative Nature of Legal Language and the Construction of Legal Reality

Ogleznev V. V.^{1,2,*}

¹ Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

² Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

* E-mail: ogleznev82@mail.ru

© Оглезнев В. В., 2025

© Ogleznev V. V., 2025

Abstract

Introduction. The article examines the normativity of legal language through the lens of speech act theory, emphasizing its performative nature. The author argues that legal language cannot be reduced to a purely descriptive function: it not only refers to norms but actively produces legally significant actions.

Methodology and materials. The study applies an analytic method and offers a theoretical reconstruction of key philosophical approaches, primarily the performative theories of J. L. Austin, H. L. A. Hart, and J. R. Searle. Legal texts, including statutes and regulations, are used to illustrate the pragmatic functioning of legal language in institutional contexts.

Results and discussion. The article presents that the normativity of legal language manifests chiefly in its capacity to generate legal consequences through speech acts. The distinction between normative and descriptive statements in law is analyzed, along with the specific features of legal performatives such as commands, prohibitions, and permissions. Legal discourse is shown to be marked by institutional validity and contextual dependence.

Conclusions. Legal language exhibits a distinct type of normativity realized through performative speech acts. This normativity is not reducible to logical implication or moral obligation, but is grounded in institutional rules that determine the legal force of utterances. Thus, legal language is not merely a vehicle for expressing norms, but a mechanism for their institutional enactment.

Keywords: legal language, performativity, legal statements, institutional facts, legal reality.

For citation: Ogleznev, V. V. The Performative Nature of Legal Language and the Construction of Legal Reality. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 87–98. (In Russ.)

Введение

Развитие философии языка и лингвистической семантики во второй половине XX в. дало мощный импульс к переосмыслению природы языка права, его онтоэпистемологических оснований и того, как эта сложная символическая система отражает правовую реальность. Исследования в области теории речевых актов, контекстуальности и конвенциональности высказываний и прагматики позволяют взглянуть на язык права не просто как на носитель информации, но и как на средство социального действия.

Однако подобная проблематизация неизбежно приводит к фундаментальному вопросу о природе самого права. И когда речь заходит о его языковых аспектах, особенно остро встает проблема семантики — понимания значения и смысла тех слов, с помощью которых формулируются правовые высказывания и нормы. Эти вопросы не так просты, как может показаться на первый взгляд. Право оперирует словами и выражениями, заимствованными из повседневного (естественного) языка, но при этом придает им особый, строго ограниченный и нормативно значимый смысл. Закрепление такого специализированного значения в рамках юридического дискурса — одна из постоянных задач юридической науки. Но эта задача сталкивается, помимо прочего, еще с таким затруднением: естественный язык, лежащий в основании языка права, по своей природе эквивокативен — он допускает многозначность, контекстуальную гибкость, смысловую неопределенность. Даже при наличии строго определенных терминов и формализованных выражений право оказывается подверженным тем же языковым ограничениям, что и повседневная речь. Это обстоятельство влечет за собой трудности в толковании правовых норм, а в итоге и риски правовой неопределенности.

Язык, таким образом, становится для юриспруденции, стремящейся к точной экспликации содержания правовых понятий и норм, с одной стороны, сдерживающим фактором, который требуется постоянно преодолевать, а с другой — инструментом конструирования правовой реальности, наделяя лиц правами, обязанностями и статусами. Это оказывается возможным благодаря тому, что в праве реализуется уникальная функция языка — перформативная, то есть совершение действий при помощи слов. Именно в этом смысле заключение договора, оглашение завещания или вынесение приговора представляют со-

бой не просто речевые акты, а особые действия, совершаемые через говорение. Эта функция долгое время игнорировалась лингвистическим анализом, хотя и привлекала внимание философов аналитической традиции — прежде всего Дж. Л. Остина, который впервые систематически исследовал явление перформативности естественного языка. Осознание того, что нормы, юридические действия и даже правовые статусы не существуют вне языка, позволяет по-новому взглянуть на юридическую практику как на речевую практику особого рода. Такой подход неизбежно переносит исследование языка права в плоскость философии права, где прояснение речевых механизмов становится ключом к пониманию природы юридических норм, институций и самого правового действия.

Таким образом, целью настоящей статьи является философско-правовой анализ природы языка права¹ с опорой на теорию речевых актов и институциональных фактов. Основная задача состоит в том, чтобы показать, что язык права выполняет не только коммуникативную, но и онтологическую функцию, конструируя правовую реальность через институционально закрепленные речевые действия. Исходная гипотеза исследования исходит из того, что правовые нормы и статусы не предшествуют языку, а возникают в результате перформативных высказываний, обладающих нормативной силой в институциональном контексте.

Методология и материалы

Для достижения поставленной цели исследования требуется реконструировать философские подходы к теории перформативов Дж. Л. Остина, Г. Л. А. Харта и Дж. Сёрла. Особое внимание в исследовании уделяется анализу специфики перформативных правовых высказываний, а также условиям их успешности, валидности, эффективности. Через призму этих теорий анализируется, каким образом язык права не просто описывает реальность, но и активно ее конструирует, создавая юридические факты и отношения посредством речевых актов. Это позволяет выявить, как язык права выполняет не только коммуникативную, но и институциональную функцию, задавая границы юридически значимого действия.

Таким образом, исследование сочетает философско-лингвистический анализ с правовой догматикой, чтобы показать, что правовая реальность формируется как через нормы, так и через акты высказывания, обладающие силой действия. Это позволяет по-новому взглянуть на роль языка в праве, то есть не как на нейтральный инструмент описания, а как на активный механизм правотворчества и правореализации.

Результаты исследования и их обсуждение

Язык права или юридический язык?

Современная юридическая литература предлагает два основных подхода к определению языка права². Первый трактует его как подсистему естественного языка³. В этом понимании язык права использует лексику и грамматику, заимствованные из повседневной речи, однако наполняет их специализированным, юридически значимым содержанием. Однако такой подход часто вызывает трудности, поскольку термины, заимствованные из обыденного языка, нередко оказываются многозначными и нечеткими, что, в свою очередь, сказывается на точной формализации правовых норм.

¹ Следует отметить, что в настоящей статье предпочтение отдается термину «язык права» по сравнению с термином «юридический язык».

² В современной литературе часто встречаются два термина — «язык права» и «юридический язык». Несмотря на схожесть, они отражают различные подходы. Как будет показано далее, речь идет не о синонимах, а о двух пересекающихся, но концептуально разных категориях.

³ См., например, работу Питера Тиерсмы, одного из ведущих современных лингвистов, который описывает язык права как особую форму естественного языка, развивающуюся в специфическом профессиональном контексте: *Tiersma P. Legal language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999; а также работу современного философа права: *Букс Б. Право, язык и правовая определенность*. М.: Канон+, 2024.

Ярким примером является проблема «открытой текстуры» (open texture) юридических понятий и языка права в целом, подробно исследованная Г. Л. А. Хартом⁴. Он заметил, что в типичных, «стандартных» ситуациях правоприменения толкование нормы обычно не требуется, поскольку значения используемых понятий представляются ясными. Однако в пограничных, «нестандартных» ситуациях эта ясность утрачивается — установить значение правовых понятий не всегда возможно. Харт убедительно показал, что эта трудность обусловлена спецификой общих терминов, используемых в языке права: лингвистическая неопределенность их значения часто сказывается на неопределенности правовых норм, в которых они содержатся. Особенно наглядно эта проблема проявляется в ситуациях, выходящих за рамки их типичного применения. В качестве примера Харт приводит вымышленное правило «Использование средств передвижения в парке запрещено» (No vehicles in the park)⁵. Нет сомнения, что речь здесь идет о запрете автомобилей, автобусов или грузовиков («стандартная» ситуация). Но совсем не очевидно, подпадают ли под это ограничение электросамокаты или гироскутеры («нестандартная» ситуация). Это объясняется тем, что общие термины (например, «средство передвижения» или «парк») часто обладают двойственным значением: у них обнаруживается как «ядерное» значение (core meaning), когда их применение бесспорно, так и «пограничное», «полутеневое» значение (penumbral meaning), когда ясность утрачивается. Правило или норма, содержащие подобные термины, будут неизбежно неопределенными (или обладать «открытой текстурой») в том смысле, что семантическая нестабильность значения общих терминов приводит к нестабильности самого правила. Иными словами, если неопределенность является имманентным свойством слов и выражений естественного языка, то и язык права, будучи его производной, неизбежно его наследует, несмотря на все попытки юриспруденции это свойство элиминировать.

Второй подход к пониманию языка права исходит из предпосылки, что он представляет собой разновидность искусственного языка, аналогичного языкам физики, химии или математики⁶. Представители этого подхода, желая подчеркнуть специфические особенности языка права, преимущественно используют термин «юридический язык» (legal language), тем самым подчеркивая его формализованный и целенаправленный характер⁷. Такой язык создается и функционирует прежде всего для выражения и закрепления норм, что требует от него особой степени точности и упорядоченности. Многие ключевые юридические термины, такие как «право собственности», «юридическое лицо» или «законный интерес», обладают специфическим значением исключительно в рамках юридического дискурса и не поддаются адекватной интерпретации вне его. Это сближает юридический язык с другими научными или техническими языками, в которых каждое выражение должно иметь строго определенное значение, исключаящее любую неоднозначность.

Преимуществом данного подхода является то, что язык права как искусственная семиотическая конструкция стремится (не без успеха) к устранению амбивалентности, типичной для естественного языка. Его структура предполагает высокий уровень системности: ключевые понятия закрепляются в нормативных актах, подвергаются доктринальному осмыслению и получают дополнительную конкретизацию в правоприменительной деятельности. Это, в свою очередь, требует того, чтобы правила употребления и интерпретации терминов были заранее заданы и поддавались рациональному контролю. В отличие от разговорной лексики, где значение слов часто определяется контекстом языковой ситуации и интуицией носителей языка, в языке права значение устанавливается нормативным порядком, а интерпретация осуществляется на основе институциональных процедур. Однако этот взгляд подвергается критике за абстрагирование от прагматического измерения права и за недооценку роли контекста в правопримене-

⁴ См.: Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 128–139; Оглезнев В. В. «Открытая текстура» языка, смутность и принцип контекстности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 25–32; Касаткин С. Н. Идея лингвистической «открытости» права в современном юсупозитивизме: пределы юридической техники // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 3. С. 52–64.

⁵ См.: Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 130.

⁶ См., например: Ross A. On law and justice. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1959; Alexy R. Theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. Oxford: The Clarendon Press, 1989.

⁷ См., например: Glogar O. The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? // International Journal for the Semiotics of Law. 2023. Vol. 36. Pp. 1081–1107.

нии. Преувеличение «искусственности» языка может привести к игнорированию его перформативного и институционального характера.

Тем не менее именно второй подход, где юридический язык рассматривается как особая разновидность профессионального языка, получил широкое распространение в отечественной юридической литературе. Например, А. Ю. Хворостов считает, что юридический язык «обладает определенными свойствами (признаками), которые позволяют выделить юридическую деятельность как определенный вид профессиональной деятельности»⁸. К ним, по словам автора, относятся адекватность, детерминированность, лапидарность, формальность и функциональность — признаки, которые характерны только для языка права. Это, по мнению А. Ю. Хворостова, отличает язык права от языка юриста⁹, но он не раскрывает, что такое язык юриста и какова его специфика.

Кроме того, чтобы подчеркнуть специфические особенности юридического языка, российские правоведы часто используют прием противопоставления (или сопоставления) его другим смежным лингвистическим категориям. В частности, Н. А. Власенко предлагает различать термины «правовой язык» и «язык права». Под первым он понимает весь лексический массив, используемый в сфере юриспруденции: совокупность терминов, понятий и выражений, применяемых в различных правовых контекстах. Второй же термин — «язык права» — он ограничивает рамками закона, иных нормативных актов и актов официального толкования. При этом язык права, по мнению автора, включен в более широкий контекст правового языка и подпитывается его ресурсами¹⁰. Л. М. Базавлук также считает, что особым видом юридического языка является язык закона, под которым автор понимает «язык с его определенной терминологией, которая обозначает особые юридические понятия <...> это язык законодательного акта»¹¹. Р. Г. Мельниченко допускает существование в юридическом языке «отраслевых» говоров¹² (что бы это ни значило). А. Н. Шепелёв полагает, что уникальность юридического языка заключена в его структуре, состоящей из следующих элементов: «1) язык закона; 2) язык правовой доктрины; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык процессуальных актов; 5) язык договоров; 6) язык общения в правовой и смежной с ней сферах»¹³. Сходного мнения придерживается В. Б. Исаков, отмечающий, что язык права, будучи одним из стилей современного русского официального языка, объединяет несколько субстилей: «язык законодательства, язык подзаконных правовых актов, язык правоприменительной практики (который также подразделяется на несколько видов), язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др.»¹⁴. С. А. Белов и Н. М. Кропачев вместо термина «язык права» предпочитают использовать «государственный язык», который выступает правовой, а не лингвистической категорией, а именно как нечто обладающее особым правовым статусом, выражающимся в «нормативном закреплении положений языка, обязательности его использования в определенных сферах и правил такого использования»¹⁵. Причем в роли норм государственного языка, по мнению авторов, «выступают нормы современного литературного языка, формализованные юридическими средствами»¹⁶.

Примечательно, что философы языка и лингвисты, занимающиеся анализом языка права, как правило, склоняются к первому подходу, тогда как правоведы чаще придерживаются второго, отдавая предпочтение термину «юридический язык» (*legal language*), который, как предполагается, подчеркивает особый статус этой семиотической системы. Тем не менее выражение «язык права», по крайней мере

⁸ Хворостов А. Ю. Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 168.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Власенко Н. А. Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997. С. 14–15.

¹¹ Базавлук Л. М. Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 146.

¹² Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 65.

¹³ Шепелёв А. Н. Юридический язык: понятие и структура // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (14). С. 74.

¹⁴ Исаков В. Б. Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64.

¹⁵ Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 15.

в русском языке, представляется более уместным как с этимологической, так и со стилистической точек зрения. Мы ведь не говорим «математический язык» или «физический язык», предпочитая говорить о языке математики или языке физики. Впрочем, подобный выбор скорее отражает лингвистические предпочтения, нежели служит строгим критерием правильности употребления.

Однако вопрос здесь не о преимуществах или недостатках того или иного подхода или его интерпретации. Скорее важно другое: и лингвисты, и правоведы сходятся во мнении, что изучение языка права неизбежно сопряжено с вопросами о сущности права. Ведь язык — это не просто средство выражения норм или средство хранения и передачи правовой информации, а структурный элемент права. Это, как верно отмечает А. Н. Шепелёв, «уникальное правовое явление (взаимосвязь языка и права), представляющее собой социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях регулирования взаимоотношений субъектов в юридической жизни общества»¹⁷. Удачно взаимосвязь языка и права описал советский правовед и один из основателей советской юридической лингвистики А. А. Ушаков: «Язык в праве выступает как конструктивное институциональное начало самого права. Последнее живет не только в действиях людей, но и в языке: право есть языковое явление. Язык в праве используется не только для его обозначения: из языка строится само право, его структура. Язык — это плоть и кровь права»¹⁸.

И хотя сама по себе идея об органической связи языка и права представляется интересной, некоторые сомнения тем не менее остаются. Во-первых, право здесь мыслится как нечто внешнее по отношению к языку, хотя его нормы существуют постольку, поскольку они выражаются через язык. Во-вторых, утверждение о том, что нормы апеллируют к социальному факту, а не к способу его выражения в языке, кажется спорным: ведь юридический факт — это не просто высказывание о факте, а результат институциональной квалификации, осуществляемой в языке. Однако даже при всей своей формализованности язык права остается встроенным в ткань естественного языка, на котором он базируется. Он не может полностью избавиться от присущей естественному языку многозначности и контекстуальной зависимости. Законодатель, судья, практикующий юрист — все они не только оперируют формализованными терминами, но и неизбежно вовлечены в живое языковое общение, в котором значения всегда подвержены колебаниям. Это создает определенное напряжение между стремлением к логической однозначности и необходимостью быть понятым в условиях повседневной коммуникации. Таким образом, язык права, даже в своей искусственной ипостаси, сохраняет гибридную природу: он одновременно является строго формализованной системой и подсистемой естественного языка, что делает изучение его перформативности и прагматики особенно значимым для юридической науки.

Речевые акты, институциональные факты и язык права

С учетом указанной выше проблемы лингвистической неопределенности возникает вопрос: каким образом возможно адекватное выражение правового понятия, если не существует универсального правила перевода юридического термина на более доступные формы повседневного языка? И есть ли вообще надежный механизм корреляции между юридическим выражением и обыденным речевым эквивалентом? Основное затруднение, как уже отмечалось, состоит в том, что, с одной стороны, язык права использует знакомые слова, заимствованные из повседневной речи, но с другой — эти слова включаются в строго нормативный контекст, что радикально изменяет их значение. Перевод такого языка оказывается трудно выполнимым именно потому, что «юридические» значения формируются внутри замкнутой и специализированной коммуникативной практики.

Здесь уместно обратиться к гипотезе Сепира — Уорфа, согласно которой структура языка влияет на мышление и восприятие мира. Если принять этот тезис, становится ясно, почему язык права не может быть «прозрачным» по отношению к повседневной речи: он формирует специфический способ видения социальной реальности. В правовом дискурсе слова не только описывают явления, но и участвуют в их институциональ-

¹⁷ Шепелёв А. Н. Теория юридического языка // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 142–143.

¹⁸ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 291.

ном порождении. Например, такие понятия, как «юридическая обязанность», «умысел» или «правоспособность», обретают смысл не благодаря их лексическому значению, а в силу той нормативной роли, которую они играют в правовом регулировании. Следовательно, язык права конституирует особую семантическую реальность, к которой нельзя получить доступ извне — без овладения его внутренними правилами.

Такое понимание языка права тесно связано с идеей «внутренней точки зрения» (или «внутреннего аспекта правил»), предложенной Г. Л. А. Хартом¹⁹, и позволяет показать, почему язык права нельзя свести к дескриптивным высказываниям естественного языка. Если «смотреть» на юридические термины с внешней точки зрения (точка зрения внешнего наблюдателя), они кажутся просто словами, связанными с определенным поведением и санкциями. Например, слово «договор» может восприниматься как обозначение сделки между людьми, которая влечет за собой определенные последствия. Но такое понимание не охватывает ни структуру, ни функции этого термина в правовой системе. С этой позиции невозможно отличить легитимное юридическое высказывание от обыденного употребления. Язык права в этом случае теряет свою нормативную силу и превращается в набор слов, наблюдаемых извне. Напротив, с внутренней точки зрения участник правовой системы понимает, что термин «договор» — это не просто слово, а юридическая конструкция, порождающая субъективные права и юридические обязанности. Это понимание предполагает принятие норм, которые устанавливают, какой договор считается действительным, какие условия его оформляют, какие последствия он влечет и т. д. Поэтому только тот, кто принимает правовые нормы в качестве обязательных и действует в соответствии с ними, способен интерпретировать юридические термины корректно.

Таким образом, язык права следует понимать не как набор технических терминов, а как часть нормативной практики, организованной через правила, санкции и институциональные процедуры. При таком подходе язык права представляет собой институционализированную систему действий, совершаемых при помощи языка (речевых актов), доступную только тем, кто принимает нормы как обязательные. Этот тематический сдвиг в праве произошел благодаря развитию теории речевых актов, сформировавшейся в середине XX в. как реакция на ограниченность доминировавшего в философии логико-семантического подхода к языку. В условиях разочарования в сциентизме и растущего интереса к повседневным формам коммуникации аналитические философы, прежде всего Дж. Л. Остин, Г. Л. А. Харт и Дж. Сёрл, начали рассматривать язык как инструмент действия. Их внимание сместилось с того, что высказывание обозначает, на то, что с его помощью делается. Они заметили, что значительная часть высказываний в повседневной речи не описывает мир, а производит социальные последствия. Так, выражение «Объявляю заседание открытым» не описывает факт, а делает его таковым. Эти «перформативные» высказывания положили начало новой парадигме, в которой язык рассматривается как совокупность речевых актов — действий, совершаемых при помощи слов²⁰. Ведь говорящий не просто выражает мысль — он совершает поступок, встраиваясь в институциональный контекст, где определенные слова, произнесенные в определенной ситуации, создают новые социальные состояния. Более того, в каждом речевом акте обнаруживается не один, а несколько уровней, поскольку кроме совершения самого акта высказывания (локутивный уровень) мы нечто делаем посредством этого акта (иллокутивный уровень) и при этом как-то оцениваем последствия его совершения и степень воздействия на того, к кому обращаемся (перлокутивный уровень)²¹. И именно иллокутивный уровень, как мы далее увидим, имеет важное значение для выделения особого класса юридических речевых актов.

Однако, как считал Дж. Сёрл, сущность речевого акта заключается не просто в побуждении адресата к действию или в производстве определенного эффекта, но прежде всего в передаче двух взаимосвязанных компонентов: пропозиционального содержания (того, о чем говорится) и иллокутивной силы (того, что делается посредством высказывания — утверждение, приказ, обещание и пр.). Таким обра-

¹⁹ См.: Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 63.

²⁰ См. Оглезнев В. В. Дж. Л. Остин и Г. Л. А. Харт о совершении действий при помощи слов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 147–148.

²¹ См. особенно: Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? Лекция VIII // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 84–93.

зом, речевое действие, по Сёрлу, — это не произвольный акт, а нормативно структурированное поведение, регулируемое правилами. Он предлагает различать два вида правил — регулятивные и конститутивные²². Первые упорядочивают уже существующие формы поведения (например, «Не перебивай собеседника»), тогда как вторые создают новые формы социальной активности, определяя, что вообще считается действием данного типа. Так, например, правила шахмат не просто регулируют игру, они порождают (конституируют) саму возможность играть в шахматы, определяя, что такое «шах» или «мат».

Именно конститутивные правила, имея форму «X считается Y в контексте C», по мнению Сёрла, лежат в основе институциональных фактов, то есть таких фактов, которые существуют только в силу того, что они признаны и закреплены в рамках определенных конститутивных правил²³. Примеры таких фактов — деньги, гражданство, собственность, брак или юридическая ответственность. Их существование невозможно без социального признания и языковой фиксации. Они порождаются высказываниями, сделанными в определенном контексте, определенным институтом и по определенным правилам²⁴. Так, фраза «Вы признаны виновным» — это не описание состояния дел, а действие, совершаемое судьей в рамках определенной институциональной процедуры; это перформатив, который конституирует институциональный факт виновности при соблюдении определенных правил. Без этого институционального контекста и без системы правил, определяющих, кто и при каких условиях может так говорить, такое высказывание лишается силы. Иными словами, перформативный акт — это языковой механизм создания институционального факта.

В отличие от обыденных речевых актов, юридические перформативы всегда институционально опосредованы: их успешность зависит не только от интенции говорящего, но и от нормативно определенного статуса субъекта, процедуры и контекста. Это делает юридические речевые акты особой разновидностью перформативов — с высокой степенью формализации и нормативной нагрузки.

Перформативность языка права

Язык права представляет собой одну из наиболее развитых и нормативно насыщенных форм применения конститутивных правил. Он не просто описывает или регулирует поведение, но создает правовую реальность, формируя институциональные факты, действующие в рамках признанных норм. Именно поэтому в праве невозможно отделить значение от процедуры: то, что выражается в юридическом высказывании, неотделимо от его иллокутивной функции и институционального статуса. Ведь право, как уже говорилось, существует не наряду с речью, а внутри нее, как особый режим действия, основанный на признании, фиксации и воспроизводстве институциональных фактов с помощью формализованного языка. Анализ юридического дискурса невозможен без учета его иллокутивной структуры — той силы, с которой произносятся высказывания, и тех социальных эффектов, которые они вызывают.

Язык права также характеризуется перформативной природой, поскольку в нем активно используются речевые акты, направленные на исполнение, запрещение и принуждение, — всё это служит поддержанию социального порядка. Как верно отмечает А. Б. Дидикин, «для перформативных выражений в юридическом языке характерны речевые стереотипы из-за повторяющихся процедур (например, процессуальных действий в уголовном процессе или проведения судебных заседаний)»²⁵. В актах применения права эта особенность выражается особенно ярко: с точки зрения речевого действия они имеют декларативную форму, поскольку содержат нормативные предписания и обязательства. В этом контексте их иллокутивная функция состоит в формировании уважения к установленным нормам, тогда как перлокутивный эффект направлен на их соблюдение.

Примечательно, что изначально именно юридические высказывания (например, «Объявляю заседание открытым», «Вы признаны виновным») рассматривались как ключевые примеры перформативных

²² См.: Сёрл Дж. Что такое речевой акт? // *Философия языка* / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 59.

²³ См.: Юрьев Р. А. Теория речевых актов в аналитической философии и источник институционального факта // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социология*. 2016. № 2 (34). С. 200.

²⁴ См.: Searle J. *The Construction of Social Reality*. New York: The Free Press, 1995. P. 28.

²⁵ Дидикин А. Б. Речевые акты и действия в юридическом языке: способы интерпретации // *Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь* / под ред. И. Д. Невважая. Саратов: СЮА, 2019. С. 184.

актов. Г. Л. А. Харт заметил это одним из первых, показав, что именно в юридическом дискурсе наиболее заметно противоречие между дескриптивными высказываниями, задача которых — описывать факты, подтверждаемые наблюдаемыми действиями, и аскриптивными произнесениями, направленными на установление и приписывание правовых последствий, но не подлежащими оценке в терминах истины или ложности²⁶. В частности, Харт понял, что высказывания вроде «Это сделал он» не поддаются анализу в дескриптивных терминах, фиксирующих индивидуальные факты. Всё дело в том, что подобного рода анализ стремится определить понятие человеческого действия через установление необходимых и достаточных условий его применения. С этой точки зрения утверждение «X совершил действие А» (ошибочно) сводится к категорическому суждению, описывающему либо физические движения тела X, либо его психическое отношение к содеянному.

Однако такой анализ, по мнению Харта, вводит в заблуждение, поскольку допускает, что значение недескриптивных высказываний, вроде «Это сделал он», в которых приписывается ответственность, тождественно фактам, которые якобы подтверждают или обосновывают это приписывание²⁷. Факты соотносятся с правовыми выводами не так, как это предполагает дескриптивная логика: утверждение о факте может подтверждать дескриптивное высказывание, но не влечет за собой вывод о юридической ответственности. Правовой вывод носит вневременной характер и не следует непосредственно из утверждения о конкретном факте, зафиксированном во времени. Кроме того, невозможно провести четкую грань между утверждением «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без обращения к недескриптивному языку, посредством которого осуществляется приписывание ответственности. Описание человеческого действия — это не просто фиксация телодвижений или внутренних мотиваций; оно всегда включает элемент нормативной оценки.

Логико-семантические особенности подобных высказываний становятся особенно заметны в юридической практике, а не в теоретических рассуждениях о праве. Именно в правоприменении различие между описанием и приписыванием приобретает фундаментальное значение. Суждения о фактах не тождественны суждениям о правах и обязанностях. В одних случаях для интерпретации действий достаточно зафиксировать физическое поведение человека — и тогда утверждение носит дескриптивный характер. Однако в правовом контексте этого недостаточно: даже при наличии необходимых и достаточных условий юридическая квалификация может быть пересмотрена в свете новых обстоятельств. Именно поэтому, по Харту, аскриптивные высказывания не описывают ситуацию, а придают ей определенный юридический статус через апелляцию к понятийному аппарату права, таким как «обязанность» и «право»²⁸.

При рассмотрении перформативной природы языка права необходимо, таким образом, различать два уровня: онтологический, на котором правовые статусы возникают в результате совершенных речевых актов, и нормативный, на котором оценивается корректность и допустимость таких актов. Хотя правовые высказывания могут создавать институциональные факты, они не произвольны: их валидность (юридическая сила) зависит от соблюдения норм более высокого порядка. Таким образом, юридический перформативный акт может быть неудачным (при нарушении процедурных условий), так и по причине его несоответствия внешней нормативной системе, регулирующей основания его действительности. Это позволяет избежать лингвистического редукционизма (сведения правовой реальности к языку) и подчеркивает необходимость учитывать институциональный контекст, в рамках которого перформативный акт становится юридически эффективным.

Выводы

Теория речевых актов, возникшая в аналитической философии середины XX в. как альтернатива традиционным (зачастую редукционистским) представлениям о значении, со временем утратила прежнее влияние.

²⁶ См.: Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Издательство Томского университета, 2012. С. 81–82.

²⁷ См.: Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и прав // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 27–28.

²⁸ См.: Оглезнев В. В. Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение // Право и политика. 2016. № 9. С. 986–992.

Первоначально широкое внимание философов привлекла идея, что значение слова определяется его употреблением, в частности, как речевым актом определенного типа. Так, произнесение «Это — благо» рассматривалось как акт одобрения (Р. Хэар), «У него есть права и обязанности» — как акт приписывания (Г. Л. А. Харт), «Это истинно» — как акт утверждения (П. Ф. Стросон). Однако подобный подход столкнулся с концептуальными трудностями. Если значение выражения отождествляется с конкретным речевым актом, возникает вопрос: как объяснить употребление того же выражения в иных синтаксических и прагматических контекстах? Условное высказывание «Если это — благо, то я его покупаю» не содержит одобрения. Вопрос «Есть ли у него права?» сам по себе ничего не приписывает. Восклицание «Если бы только это было правдой!» не утверждает истины. Эти примеры показывают, что значение не может быть сведено к речевому акту — это лишь один из его аспектов. Связь между значением и действием, конечно, существует, но одно не исчерпывает другого.

Тем не менее теория речевых актов радикально изменила взгляд на язык: она представила его как институциональный механизм, способный формировать, изменять и поддерживать социальную реальность. Именно поэтому ее влияние на философию права оказалось настолько глубоким. Правовые высказывания в этом контексте стали пониматься не просто как описания норм, но как действия, совершаемые в соответствии с нормами. Действительно, фразы вроде «Объявляю заседание открытым», «Вы признаны виновным», «Договор считается заключенным» не описывают, а изменяют правовую реальность, они вступают в силу в момент произнесения и обладают нормативной значимостью. Вот почему, несмотря на свои недостатки, теория речевых актов стала важным аналитическим инструментом в философии права, позволив понять, что язык права не просто сопровождает право, а участвует в его создании и воспроизводстве.

Список источников

1. *Базавлук Л. М.* Язык закона как особый юридический язык // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 145–148. EDN: ZVZSTV
2. *Белов С. А.* Понятие государственного языка / С. А. Белов, Н. М. Кропачев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 4–21. DOI: 10.21638/spbu09.2020.101. EDN: GMPTGZ
3. *Бикс Б.* Язык, право и правовая определенность / Б. Бикс. М.: Канон+, 2024.
4. *Власенко Н. А.* Язык права / Н. А. Власенко. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997.
5. *Дидикин А. Б.* Речевые акты и действия в юридическом языке: способы интерпретации // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов международной научной конференции. Саратов, 27–29 июня 2019 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 181–187. EDN: MECGNE
6. *Исаков В. Б.* Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79. EDN: WDLKDF
7. *Касаткин С. Н.* Идея лингвистической «открытости» права в современном юспозитивизме: пределы юридической техники // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 3 (4). С. 52–64.
8. *Мельниченко Р. Г.* Юридический язык: постановка проблемы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 1. С. 62–67. DOI: 10.15688/lc.jvolvu.2021.1.9. EDN: LVOZBX
9. *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права / В. В. Оглезнев. Томск: Издательство Томского ун-та, 2012. EDN: QSTQBJ
10. *Оглезнев В. В.* Дж. Л. Остин и Г. Л. А. Харт о совершении действий при помощи слов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 147–153. EDN: OYHZLX
11. *Оглезнев В. В.* Юридический язык, аскриптивные высказывания и правоприменение // Право и политика. 2016. № 8 (200). С. 986–992. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.8.19753. EDN: WMOTTN

12. Оглезнев В. В. «Открытая текстура» языка, смутность и принцип контекстности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 25–32. DOI: 10.17223/1998863X/44/3. EDN: UYPPKU
13. Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.
14. Сёрл Дж. Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 56–74.
15. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык / А. А. Ушаков. М.: РАП, 2008.
16. Харт Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
17. Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и прав // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М.: Канон+, 2017. С. 27–52.
18. Хворостов А. Ю. Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 168–170. EDN: WKGXWL
19. Шелелёв А. Н. Теория юридического языка // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 2. С. 137–144. EDN: UGTFT
20. Шелелёв А. Н. Юридический язык: понятие и структура // Вестник Гуманитарного института Тольятинского государственного университета. 2013. № 1 (14). С. 73–76. EDN: SGJEEH
21. Юрьев Р. А. Теория речевых актов в аналитической философии и источник институционального факта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 196–201. DOI: 10.17223/1998863X/34/23. EDN: WIMWAZ
22. Alexy R. (1989) A theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. *The Clarendon Press*.
23. Glogar O. (2023) The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 36. Pp. 1081–1107.
24. Ross A. (1959) On law and justice. *Berkeley & Los Angeles: University of California Press*.
25. Searle J. (1995) Construction of social reality. *New York: The Free Press*.
26. Tiersma P. (1999) Legal language. *Chicago: University of Chicago Press*.

Об авторе:

Оглезнев Виталий Васильевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация); e-mail: ogleznev82@mail.ru

References

1. Bazavluk, L. M. (2017) Language of law as a special legal language. *Scientific Journal of Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. No. 4 (73). Pp. 145–148 (In Russ.)
2. Belov, S. A., Kropachev, N. M. (2020) The notion of state language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. Vol. 17, No. 1. Pp. 4–21 (In Russ.)
3. Bix, B. (2024) *Law, language, and legal determinacy*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
4. Vlasenko, N. A. (1997) The language of law. *Irkutsk: West-Siberian Publishing House* (In Russ.)
5. Didikin, A. B. (2019) Speech acts and actions in the legal language: forms of interpretation. *The Human World: Normative Dimension — 6* / edit. by I. D. Nevvazhay. Saratov: Publishing house of SSLA. Pp. 181–187 (In Russ.)
6. Isakov, V. B. (2000) The language of law. *Jurislinguistics*. No. 2. Pp. 64–79 (In Russ.)

7. Kasatkin, S. N. (2023) Idea of linguistic “openness” of law in modern legal positivism: limits of legal technics. *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. No. 3 (4). Pp. 52–64 (In Russ.)
8. Melnichenko, R. G. (2021) Legal language: The problem statement. *Legal Concept*. Vol. 20, No. 1. Pp. 62–67 (In Russ.)
9. Ogleznev, V. V. (2012) H. L. A. Hart and the formation of analytic legal philosophy. *Tomsk: Tomsk State University Press* (In Russ.)
10. Ogleznev, V. V. (2012) J. L. Austin and H. L. A. Hart about doing things with words. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 2 (18). Pp. 147–153 (In Russ.)
11. Ogleznev, V.V. (2016) Legal language, ascriptive utterances, and law enforcement. *Law and Politics*. No. 8 (200). Pp. 986–992 (In Russ.) DOI: 10.7256/1811-9018.2016.8.19753
12. Ogleznev, V. V. (2018) The „open texture” of language, vagueness, and context principle. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 44. Pp. 25–32 (In Russ.)
13. Austin, J. L. (1999) How to do things with words? Austin J. L. Selected Papers. *Moscow: Idea-Press*. Pp. 13–138.
14. Searle, J. (2010) What is a speech act? *Philosophy of Language / edit. by J. Searle*. *Moscow: Editorial URSS*. Pp. 56–74.
15. Ushakov, A. A. (2008) Essays on Soviet legislative stylistics. Law and language. *Moscow: RAP* (In Russ.)
16. Hart, H. L. A. (2007) The concept of law. *Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press*.
17. Hart, H. L. A. (2017) The ascription of responsibility and rights. In: Hart H. L. A. *Philosophy and Language of Law. Kanon+*. Pp. 27–52.
18. Khvorostov, A. J. (2007) Legal language and language of lawyers. *Jurilinguistics*. No. 8. Pp. 168–170 (In Russ.)
19. Shepelyov, A. N. (2015) The theory of legal language. *Legal Politics and Legal Life*. No. 2. Pp. 137–144 (In Russ.)
20. Shepelyov, A. N. (2013) Legal language: the notion and the structure. *Journal of the Humanitarian Institute of Togliatti State University*. No. 1 (14). Pp. 73–76. (In Russ.)
21. Yuriev, R. A. (2016) Theory of speech acts and the source of institutional fact. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 2 (34). Pp. 196–201 (In Russ.)
22. Alexy, R. (1989) A theory of legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. *The Clarendon Press*.
23. Glogar, O. (2023) The concept of legal language: What makes legal language 'legal'? *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 36. Pp. 1081–1107.
24. Ross, A. (1959) On law and justice. *Berkeley & Los Angeles: University of California Press*.
25. Searle, J. (1995) Construction of social reality. *New York: The Free Press*.
26. Tiersma, P. (1999) Legal language. *Chicago: University of Chicago Press*.

About the author:

Vitaly V. Ogleznev, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor; Leading Research Fellow of the Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation); e-mail: ogleznev82@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.